

Инструктор шагом приближался к Бай Цаньюню, его острый взгляд был прикован к юноше:

— Только ты один? Мне показалось, я слышал и другие голоса.

Бай Цаньюнь попытался изобразить невозмутимость:

— Инструктор, пожалуйста, поверьте мне. Я так нервничаю, выполняя обязанности волонтера в Черной Башне, что вернулся сюда и спрятался, чтобы втайне потренироваться, как правильно разговаривать с другими. Умоляю, не говорите никому, хорошо?

Внимание инструктора тут же переключилось на слова Бай Цаньюня. Пусть у того был не самый высокий уровень культивации и выдающийся талант, по крайней мере, парень был готов трудиться в поте лица, и инструкторы Академии Белой Башни относились к нему вполне неплохо.

Когда у него возникали небольшие, вполне безобидные и разумные просьбы, инструкторы охотно уделяли минутку, чтобы помочь ему.

— Конечно можно, в конце концов, ты самый старательный Проводник во всей нашей Академии Белой Башни. — Инструктор улыбнулся Бай Цаньюню и похлопал его по плечу. — Продолжай в том же духе, глядишь, в будущем у тебя даже появится шанс вместе с кем-нибудь из обладателей высокого уровня вступить в армию.

Бай Цаньюнь улыбнулся и произнес:

— Благодарю вас за наставления, инструктор.

Проводив взглядом удаляющегося преподавателя с учебными материалами в руках, Бай Цаньюнь тут же высунулся из окна и вытянул шею вверх:

— Брат, ты в порядке?

Фан Уцо легко и непринужденно присел на выступ над окном галереи Академии Белой Башни. Услышав голос, он опустил взгляд, и тогда Бай Цаньюнь протянул к нему руки:

— Брат, прыгай вниз, я поймаю тебя!

— Это четвертый этаж, — заметил Фан Уцо.

Бай Цаньюнь в нетерпении широко раскинул руки, ожидая, пока Фан Уцо прыгнет прямо в его объятия:

— Да, на четвертом этаже очень опасно! Спускайся скорее, я поймаю тебя!

На лице Фан Уцо не дрогнул ни один мускул. Одной рукой он придержал край оконной рамы,

свесил длинные ноги и, словно легкая птица, изящно качнулся в воздухе, после чего единым плавным движением нырнул в коридор Академии Белой Башни.

Вся эта череда движений была настолько отточенной и красивой, что напоминала тщательно отрепетированное выступление. Бай Цаньюнь ошеломлен от изумления.

Фан Уцзю оттащил застывшего в шоке Бай Цаньюня подальше от окна и небрежно захлопнул створку. С улыбкой, в которой читалась насмешка, он произнес:

— Сам же знаешь, что на четвертом этаже опасно, но у тебя хватило смелости высунуться из окна едва ли не по пояс, чтобы меня поймать?

Лицо Бай Цаньюня покраснело.

В тот момент он совершенно об этом не задумывался.

Фан Уцзю отмахнулся, прерывая то, что собирался сказать Бай Цаньюнь:

— Ладно, можешь не извиняться передо мной. Просто не ожидал, что ты окажешься таким послушным и пай-мальчиком.

Разве может человек с таким характером в будущем стать злодеем?

Чем больше Фан Уцзю размышлял об этом, тем сильнее укреплялся в мысли, что Система, пожалуй, ошиблась человеком.

Система тут же заголосила в психическом поле Фан Уцзю, яростно защищая свою репутацию.

Фан Уцзю полностью проигнорировал этот вопль, воспринимая визг Системы не иначе как надоедливое жужжание комара над ухом.

Впрочем, если Бай Цаньюнь и впрямь окажется злодеем, Фан Уцзю чувствовал, что его миссия по спасению выполнится до смешного легко.

Это можно было считать хорошей новостью.

Настроение Фан Уцзю заметно улучшилось.

Раз уж Бай Цаньюнь отклонил его предложение о спасении, задерживаться в Академии Белой Башни дольше не имело смысла. Будучи Стражем Черной Башни, самовольно вламываться на территорию Академии Белой Башни изначально было нарушением правил.

Фан Уцо не боялся неприятностей, но и наживать их без причины не хотел, поэтому, немного покружив вокруг, он вернулся в Академию Черной Башни.

Бай Цаньюнь, явившийся волонтером для проведения сеансов психологической стабилизации в Академии Черной Башни, хвостиком следовал за Фан Уцо, послушно шагая по пятам.

Он даже помог Фан Уцо оформить больничный лист сроком на целую неделю.

— У тебя сломано несколько десятков костей по всему телу... Сказал же писать смело, но ты и вправду загнул.

Фан Уцо внимательно изучил справку сверху донизу, убедился, что в документе нет никаких изъянов и им вполне можно пользоваться, после чего с хорошим настроением подтрунил над парнем.

Бай Цаньюнь смущенно поскреб в затылке.

Что поделать, регенерация у Стражей развита слишком сильно. Если хочешь получить долгий отгул, приходится описывать все в самых мрачных красках.

Фан Уцо не имел ничего против. Академия Черной Башни не запрещала повседневное использование Духовных Тел, поэтому Фан Уцо напрямую призвал свое Духовное Тело и велел Золотой Птице лететь напрямик к инструкторам вместе с больничным.

Вскоре Золотая Птица вернулась обратно, принеся с собой справку с заветными печатями.

Фан Уцо приподнял свою целую руку, позволяя Золотой Птице примоститься на предплечье, а второй рукой машинально погладил перья на ее крыле.

Бай Цаньюнь во все глаза наблюдал за этой сценой. Красивый хищный взгляд золотой птицы обратился на него, а абсолютно черные зрачки казались такими глубокими, будто они могли заглянуть прямо в душу.

В следующее мгновение Золотая Птица высокомерно отвернулась и легонько царапнула Фан Уцо своими острыми когтями.

Бай Цаньюню было безумно любопытно. Духовное Тело Фан Уцо было, пожалуй, самой красивой птицей из всех, что он когда-либо видел, но что это за вид — оставалось загадкой. Он перелистал все книги в библиотеке, но так и не смог отыскать птицу, хоть капельку похожую на это величественное создание.

В этот момент в процедурной находились только они вдвоем, и Бай Цаньюнь, набравшись

смелости, спросил:

— Брат Фан, что это за птица?

Движения Фан Уцо замерли. В тот момент, когда Бай Цаньюнь уже решил, что ответа не последует, Фан Уцо выдал:

— Понятия не имею.

Лицо Фан Уцо выражало абсолютное безмятежное спокойствие:

— Мы с этой птицей мало знакомы.

Духовное Тело Фан Уцо издало пронзительный вопль, испустив оглушительный птичий клекот.

В глазах Бай Цаньюня читалось полное недоумение.

Ей-богу, Фан Уцо знал лишь то, что его Духовное Тело — это красивая золотая птица, а в какие-то детали он даже не пытался вникать.

Да и копаться в этом ему было откровенно лень.

В конце концов, пока это выглядит достаточно круто, пусть даже его Духовным Телом окажется Ультрамен Дика.

Фан Уцо издавна отличался простотой взглядов.

Ответив на вопрос Бай Цаньюня, он тут же парировал:

— А какое у тебя Духовное Тело?

Его собственное Духовное Тело Бай Цаньюнь уже успел разглядеть вдоль и поперек, так что теперь, когда зашла речь об этом, у Фан Уцо проснулся живой интерес к сущности самого парня.

Губы Бай Цаньюня зашевелились, беззвучно произнося какие-то слова.

Сколь бы ни был острым слух Фан Уцо, превосходивший возможности обычных людей, разобрать слова он так и не смог.

Фан Уцо уточнил:

— Так что за зверь? Может, просто призовешь его, чтобы я наконец взглянул?

Бай Цаньюнь замялся, чувствуя неловкость:

— Но... моё Духовное Тело очень слабое...

Фан Уцо, разумеется, прекрасно это понимал.

Будь его Духовное Тело сильнее, кто посмел бы приволочь Бай Цаньюня в снарядную и устроить там травлю?

Отказ Бай Цаньюня не имел перед Фан Уцо никакой силы. Тот упорно и непреклонно продолжал допытываться:

— Покажи мне.

Бай Цаньюнь молча закрыл лицо руками:

— Ладно... хорошо, но, брат, только чур не смеяться.

Только Фан Уцо собрался дать согласие, как у его ног возникло пушистое белое создание.

Оно принялось тереться о его штанину.

Фан Уцо: ?

Фан Уцо: !

Собачка!!!

В тот же миг глаза Фан Уцо зажглись восторженным блеском.

Белый Шарик!

И он все еще трется о него!!

Эта собачка определенно любит его!

Уголки губ Фан Уцо непроизвольно изогнулись в счастливой улыбке, он наклонился и подхватил песика на руки.

Ох, какой же милый Белый Шарик.

Фан Уцо уложил щенка спиной кверху себе на колени, стал мять ему ушки, трогать носик, ласково тереть лапки, а затем рука перебралась на макушку, нежно взъерошивая шерстку и опускаясь ниже к животику.

Хе-хе, какое счастье! Фан Уцо тискал песика добрую половину дня, ни капли не помышляя о том, чтобы отпустить его.

И это тот самый безжалостный и холодный Брат Фан?

Бай Цаньюнь на мгновение умолкнул, даже начав слегка ревновать к собственному Духовному Телу.

Пусть Духовное Тело и было частью его самого, отражая его самые сокровенные чувства, стоило Фан Уцо завидеть собаку, как в его глазах переставал существовать сам Бай Цаньюнь.

Фан Уцо вдоволь нагладился щенка, отведя душу по полной.

Золотая Птица была невероятно крута, но эта собачонка оказалась такой мягкой и пушистой.

Словно не насытившись, Фан Уцо прижал песика к груди и, продолжая нянчить Духовное Тело Бай Цаньюня, искренне похвалил:

— Твое Духовное Тело просто великолепно!

Примечания автора:

Духовное Тело способно выражать волю своего хозяина, так что на самом деле Белый Шарик по отношению к Братцу Цо...

Глава 12: Эта физиономия — чистая показуха

Бай Цаньюнь дернул уголком рта, но тут же подумал о том, что Духовное Тело — это ведь тоже он сам, и раз Фан Уцо так нравится его Духовное Тело, разве это не значит, что он нравится ему самому? С этой мыслью он мгновенно успокоился и с легким трепетом произнес:

— Спасибо.

Фан Уцо ничего не ответил, целиком сосредоточившись на тисканьи собаки.

То ли движения Фан Уцо были слишком мягкими и привычными, но ушки Бай Цаньюня

качнулись — ему показалось, что он даже ощущает тепло ладони Фан Уцо, передающееся через Духовное Тело.

На мгновение в небольшой процедурной воцарилась умиротворенная атмосфера безмятежного течения времени.

Жаль только, что эта идиллия продлилась недолго.

Слух о том, что Фан Уцо избил инструктора по практическим занятиям до такой степени, что тот попросил пощады, стал событием, невиданным за всю историю Академии Черной Башни.

Утром Фан Уцо отлупил инструктора, в полдень прогулялся в Академию Белой Башни, и если подсчитать время, во второй половине дня уже следовало ожидать визита верхушки Черной Башни.

Он с явным сожалением опустил щенка на пол. Белый Шарик жалобно скулил, глядя на него своими влажными глазами, и упорно не желал отходить. Фан Уцо хлопнул песика по крупу, терпеливо и мягко побуждая его вернуться к хозяину.

Затем он еще сильнее распахнул и без того небрежно накинутую рубашку, обнажая толстый слой намотанных под ней бинтов.

Скинув одеяло с больничной койки, он залез внутрь, устроился поудобнее и принял максимально безмятежный вид — все движения были отточены до автоматизма.

Закончив приготовления, Фан Уцо счел, что чего-то не хватает, пошарил в кармане одежды, вытащил медицинское заключение и положил его на тумбочку у изголовья.

Стоило ему завершить этот спектакль и толком улечься, как в дверь процедурной раздался стук.

Не успел Бай Цаньюнь подняться, чтобы открыть, как находившийся снаружи инструктор Черной Башни сам распахнул дверь.

— Курсант Фан.

Один глаз инструктора был затянут черной повязкой, а второй — оставшийся — сверкал свирепо и хищно, словно у волка. Окинув взглядом помещение, он сразу же вычленил глазами притворяющегося хрупким и немощным Фан Уцо на больничной койке и в три шага преодолел расстояние до его кровати.

Во взгляде одноглазого инструктора не было и тени того мягкосердечия, с которым обычно

смотрят на пациентов. Возвышаясь над кроватью, он даже не удосужился опустить голову и, лишь скосив глаза вниз, ледяным тоном процедил:

— Говорят, на уроке практики ты одержал победу над инструктором Сюном?

<http://bllate.org/book/25821/3086038>